

Глава 3. Старые раны

Ли Мэн, слишком взвинченный недавней сценой, поначалу даже не заметил, какая глубокая, почти осязаемая тишина царила на заднем дворе. От грохочущего праздничного зала его отделяла всего одна тонкая стена, но здесь, среди теней, казалось, раскинулся совершенно иной мир.

Свет в окне погас и больше не загорался. Юноша нерешительно переминался с ноги на ногу, боясь схлопотать взбучку, хотя страх этот был глупым — Чжао Лои его и пальцем никогда не трогал.

Стоя под самым окном, Ли Мэн то и дело протягивал руку к раме, но в последний момент испуганно отдергивал пальцы назад.

Он и сам толком не понимал, чего хочет добиться, но любопытство жгло его изнутри.

«Что же там происходит? — думал он. — Что делают за закрытыми дверями учитель, шишу и те, другие?»

Поколебавшись, Ли Мэн поспешил палец, намереваясь бесшумно проткнуть тонкую бумагу на окне. Его тонкие юношеские брови забавно сошлись на переносице. В последний момент он все же передумал, опустил руку и брезгливо вытер палец о полу халата. Вместо этого он осторожно прислонился ухом к бумажной ширме, затаив дыхание.

Внутри стояла гробовая тишина. Ли Мэн простоял так добрых десять минут, с недоумением разглядывая глухую преграду перед собой. Вдруг внизу, со стороны двора, послышались чьи-то шаги. Юноша спешно присел, прикрыл лицо широким рукавом и, стараясь не шуметь, быстро скользнул вниз по ступеням.

— Ой!

Столкновение вышло знатным — в глазах у Ли Мэна помутилось. Когда же он восстановил равновесие и разглядел, на кого налетел, лицо его мгновенно утратило краску.

— Старший брат, — пробормотал он.

В нос ударил тяжелый, густой запах перегара. Шмыгнув носом, Ли Мэн подозрительно прищурился:

— Старший брат, сколько же ты вылакал? Неужто набрался?

Пьяному только скажи, что он пьян — сразу в бутылку полезет. Шуфэн мгновенно вскипел.

Ткнув пальцем себе в нос, он зычно гаркнул:

— Это я-то набрался?! Да я в жизни своей хмельным не бывал!

И ведь не соврал: наставник держать хмель в руках ему строго-настрого запрещал, откуда тут взяться опыту?

Ли Мэн боязливо покосился наверх и, ухватив Шуфэна за рукав, поспешил наружу, на ходу тревожно оглядываясь. Странное дело. По прошлому опыту жизни с отцом он твердо знал, что Чжао Лои — мастер высочайшего класса. Каковы умения Хо Ляньюня, юноше ведомо не было, но наставник точно не уступил бы никому. И все же, сколько бы они с Шуфэном ни шумели внизу, сверху никто не подал и знака.

— Пьем! — взревел Шуфэн, задирая ногу, чтобы шагнуть обратно во двор.

Но Ли Мэн уже толкнул тяжелую портьеру, и им в лица пахнуло душным теплом внутренних покоев. Ли Мэн поморщился. Шуфэн навалился ему на плечо, обдавая ухо горячим перегаром:

— Братец... я ведь о тебе забочусь. Сейчас поднимемся, там девицы ждут. Смотри у меня, не ударь лицом в грязь перед ними, поддержи авторитет старшего брата!

Чтобы не привлекать лишнего внимания, Ли Мэн поскорее утащил буяна в их комнату. Там их действительно поджидали две прелестные девицы.

После чинных приветствий Шуфэн, растерявший остатки сил, мешком рухнул на циновку, раскинул руки-ноги и тут же захрапел на весь павильон.

Девушки не позволили себе ни единой насмешливой улыбки. Одна из них ласково поинтересовалась, не нужно ли принести отвару от похмелья. Ли Мэн покинул родной дом, когда ему едва исполнилось тринадцать. В Великой Цинь знатные юноши женились рано — как раз в этом возрасте, после чего им дозволялось познавать прелести бренного мира. Простым же людям и вовсе законы были не писаны: зазвенела монета в кармане — ступай в веселый дом, слушай лютню да милуйся с девками хоть до утра.

Однако мысли Ли Мэна все еще крутились вокруг таинственной запертой комнаты, где скрылся его наставник.

— Тогда... соблаговолите помочь, сестрица, — рассеянно пробормотал он.

Девушка прикрыла рот ладонью, пряча смешок, но глаза ее весело блеснули. Она тихо выскользнула за дверь.

Шуфэн во сне причмокнул губами и принялся вяло чесать грудь.

Ли Мэн немного понаблюдал за ним, затем сам почесал спящего сквозь ткань халата и повернулся ко второй девице:

— Играйте, дева. Не останавливайтесь, прошу вас.

Наверное, им еще не попадались столь робкие и вежливые гости. Обе девицы, приглашенные Шуфэном, оказались деликатными и услужливыми. Одна снова взялась за пипу, а вторая вернулась с дымящейся пиалой отвара. Вдвоем с Ли Мэном они кое-как приподняли обмякшего пьянчугу.

Но стоило поднести ложку к его рту, как Шуфэн принимался отплевываться, так что половина целебного снадобья пролилась прямо на его щегольской ворот.

Ли Мэн сердито нахмурился. Недолго думая, он сжал пальцами челюсти старшего брата, силой раскрывая ему рот, и кивнул девушке — лей, мол.

Шуфэн шумно сглотнул, но тут же поперхнулся. Горькая жижa хлынула у него даже из ноздрей. Он истошно закашлялся. У Ли Мэна сердце ушло в пятки: когда Шуфэн приоткрыл мутные глаза, младший испуганно замер, уставившись на него в упор.

Однако старший брат лишь закатил глаза и с глухим стуком снова повалился на циновку.

Ли Мэн облегченно выдохнул и поблагодарил девицу. Затем он бесшумно приоткрыл дверь, скользнул в коридор, приложив палец к губам и знаками велел лютнистке не прекращать игру.

Над головой плотными рядами теснились гирлянды алых бумажных фонариков, заливая все вокруг багровым светом. Ли Мэн почти год безвылазно провел на задворках Башни Десяти Направлений в Линьчжоу, где его единственным окружением были пропахшие потом грузчики да зловонные конюшни в паре шагов от каморки. Теперь же он с нескрываемым любопытством разглядывал шумные игорные столы внизу. Мимо то и дело порхали надушенные девицы, кокетливо прикрывая лица веерами. Но Ли Мэн почему-то оставался холоден. Дело было не в робости — просто женские прелести его не прельщали.

Он искренне не понимал, какая муха укусила этих почтенных мужей, просаживающих здесь кровно заработанные деньги вместо того, чтобы нести их в семьи.

— Ли Мэн! — донеслось сверху.

По лестнице спускался Хо Ляньюнь. Следом шел Чжао Лои, накинувший подбитый мехом плащ. Взор его скользнул по фигуре ученика, ни на миг не задержавшись.

Ли Мэн заметил, что по подолу темного халата наставника расплылось влажное пятно — на черном шелке оно едва выделялось, отливая матовым блеском. Юноша инстинктивно шагнул вперед, загородивая мастера собой, словно пытался расчистить ему дорогу в толпе. Чжао Лои от такой прыти даже на мгновение опешил.

— А где твой старший брат? — лениво осведомился Хо Ляньюнь. — Неужто до сих пор валяется в постели у какой-нибудь милашки?

— Учитель велел нам развлекаться на свое усмотрение, — с напускной строгостью отпарировал Ли Мэн.

— Ну и как, развлеклись? — Хо Ляньюнь был чертовски хорош собой, и его появление в общем зале тут же приковало к себе восхищенные взгляды местных девиц. Чжао Лои собственническим жестом приобнял его за плечи, увлекая за собой.

Ли Мэн украдкой оглянулся. Учитель, склонив голову, что-то вкрадчиво шептал на ухо Хо Ляньюню. Слов из-за шума было не разобрать, но юноша видел, как жесткие, холодные губы Чжао Лои касались самой мочки уха его спутника. Хо Ляньюнь, чьи глаза сияли подобно звездам, согласно кивал. Выглядели они на удивление близкими людьми.

В груди у Ли Мэна неприятно шевельнулось какое-то странное, царапающее чувство.

— Старший брат заснул! Я сейчас приведу его! — выкрикнул Ли Мэн и, резко развернувшись, нырнул обратно в сутолоку толпы.

Оказавшись за порогом Павильона Цветущего Аромата, Чжао Лои выпустил плечо Хо Ляньюня и окинул улицу холодным, испытующим взглядом.

Вскоре из дверей показался Ли Мэн, волокащий на себе обмякшего Шуфэна. Брови Чжао Лои едва заметно сошлись к переносице.

— Все еще лыка не вяжет? — наставник опустил длинную курительную трубку к земле. Он выпрямился, отлипая от косяка, у которого стоял в ожидании.

Хо Ляньюнь со смешком шагнул навстречу, собираясь подсобить, и шутя припечатал ладонь к спине Шуфэна.

Раздался трубный звук, и Шуфэна вывернуло наизнанку. Хо Ляньюнь, у которого реакция была отменной, успел отскочить в сторону, а вот Ли Мэну повезло меньше — все зловонное содержимое желудка старшего брата хлынуло прямо на его праздничный халат.

В Башню Десяти Направлений компания возвращаться не стала. Хо Ляньюнь жил в поместье маркиза, да и пожилая бабка давно велела внуку явиться домой.

Встретившая их служанка низко поклонилась и передала волю хозяйки:

— Старая госпожа велела передать, что раз почтенные гости — друзья нашего молодого маркиграфа и оберегали его в странствиях, они могут чувствовать себя в полной безопасности и располагаться с удобством.

Ли Мэн облегченно перевел дух, узнав, что сама старая госпожа Хо приболела и вряд ли покажется гостям. Общаться со стариками он не умел и смертельно боялся этого — в собственном доме строгая бабушка его откровенно недолюбливала.

Наскоро поужинав, Ли Мэн заметил, что дверь в покои Чжао Лои приоткрыта. У порога стояла большая деревянная бадья, в которой лежали только что купленные чистые одежды. Сам Ли Мэн до сих пор благоухал кислым перегаром Шуфэна, поэтому решил не медлить: натаскал воды, сбросил грязный халат и принялся за стирку. Как ни крути, Чжао Лои был его наставником, а долг преданного ученика велел заботиться о быте мастера.

— Что с глазами? — раздался за спиной бесстрастный голос Чжао Лои.

Ли Мэн стирал на автопилоте, мыслями улетаая далеко в прошлое. Он вспоминал тот страшный день, когда отец велел ему спрятаться в бочке с водой. Мальчик думал, что этот кошмар врезался в память навечно, но с ужасом поймал себя на мысли, что лицо отца начинает стираться, ускользая, как дым...

На самом деле с глазами все было в порядке, но от неожиданного вопроса юноша вздрогнул и, забыв, что руки по локоть в мыльной пене, потер лицо.

Ли Мэн стиснул зубы, сиюсь не издать ни звука, но вслепую задел бадью, и вода с плеском хлынула на брусчатку. Глаза нещадно жгло и щипало — слезы брызнули сами собой.

Чжао Лои подобрал бадью, смочил в чистой воде мягкое полотенце и принялся осторожно промакивать лицо ученика.

— Неужели я настолько страшен? — проворчал он без тени сочувствия.

— Н-нет, — попытался оправдаться Ли Мэн, потянувшись к полотенцу, но жесткий окрик «Не вертись!» мгновенно лишил его воли к сопротивлению.

Наставник был выше его на две головы, но наклоняться и не думал, так что к концу этой процедуры у Ли Мэна немилосердно затекла шея.

Снова послышался плеск воды — юноша вернулся к прерванному занятию.

— У-учитель... — робко позвал Ли Мэн.

— Говори толком. Что заикаешься?

Чувствительный пинок под колени заставил Ли Мэна поморщиться от боли. Стерпев обиду, он тихо спросил:

— Когда мы уедем из Линьчжоу?

Чжао Лои смерил его ленивым взглядом. Курительной трубки при себе не было, отчего во рту поселилась неприятная сухость. От нечего делать он решил поддержать беседу:

— В Жуйчжоу потянуло?

Ли Мэн промолчал.

— А ведь твоя кошка жива-здоровая.

Ли Мэн удивленно вскинул голову.

— Не я за ней хожу, — Чжао Лои присел на каменный парапет, небрежно положив руки на колени. — Девочка Цуй. Помнишь ее? Когда тебя только привезли, ты отказывался от еды, и она притащила тебе крольчонка, чтобы развлечь. Она ходила за кошкой больше полугода и прозвала ее Мэн-Мэн.

Движения Ли Мэна замедлились, а затем он и вовсе замер, уставившись на мыльную пену.

— Только полгода? — тихо спросил он после долгого колебания.

Чжао Лои прикрыл веки, прижав пальцы к виску, словно от внезапного приступа мигрени.

— Да.

— И кто теперь приглядывает за ней?

— Кто-то из челяди в башне, не знаю.

Когда Ли Мэн закончил со стиркой и вылил мыльную воду в сточную канаву, он заметил, как в свете тусклого фонаря грязная жижа отливает зловещим бурым оттенком. Он тупо уставился на свои мокрые, покрасневшие руки.

— А девица Цуй? — сорвалось у него с губ.

На самом деле он не хотел знать ответ. Какое-то внутреннее чутье подсказывало, что расспросы ни к чему хорошему не приведут.

Высокий силуэт Чжао Лои застыл под навесом крыши. Порыв ветра качнул угловой колокольчик, и под его сиротливый звон до ушей юноши долетело небрежное:

— Мертва.

Усадьба семейства Хо была огромной. Гостям выделили по отдельной просторной комнате, постелив свежее, прогретое на солнце белье, источающее тонкий аромат благовоний.

Но сон не принес Ли Мэну покоя. Спустя пару часов он забился в лихорадочном бреду, мечась по постели, словно в приступе падучей. Наконец, сорвавшись на глухой, беззвучный крик, юноша резко сел. Сердце бешено колотилось, лоб покрыла холодная испарина. Он судорожно сжал в руках одеяло, пытаясь унять дрожь.

Еще до того, как раздался робкий стук в дверь, Чжао Лои открыл глаза. Рука его привычно легла на холодную рукоять меча, спрятанного под подушкой.

— Учитель...

Мастер отпустил эфес и лениво повернулся на другой бок. Когда жалобный зов повторился, он раздраженно почесал ухо мизинцем.

Дверь распахнулась в тот момент, когда Ли Мэн занес руку для очередного стука.

Чжао Лои стоял на пороге, скрестив руки на груди. Даже его исподнее было угольно-черным. Ли Мэн, прижимавший к груди скатанный матрас и одеяло, робко заглянул мастеру за спину.

— Я... я хотел бы постелить здесь, на полу.

— Что, испугался? — на лице Чжао Лои не дрогнул ни один мускул, лишь левая бровь иронично взлетела вверх.

Ли Мэну почудилась в этом безмолвная насмешка. Он замялся на пороге, решая, стоит ли входить, но сильная рука наставника бесцеремонно втощила его внутрь. Чжао Лои, даже не глядя на ученика, пинком захлопнул дверь.

— Твоему шишу я и на порог лечь не позволяю, а тут ты притащился, — проворчал Чжао Лои,

устраиваясь на постели и лениво наблюдая, как юноша устраивает себе ночлег на холодном полу.

— Вот скажи, какая муха меня укусила, что я подобрал тебя тогда?

Ли Мэн кое-как расстелил постель и юркнул под одеяло. Ночной холод, шедший от каменных плит, заставил его крупно вздрогнуть. В этот миг страх перед суровым наставником отступил, уступив место глухому раздражению:

— Это уж у себя спросите.

— Я отослал тебя в Линьчжоу на целый год. И что, за все это время у тебя не выдалось ни единого шанса сбежать?

Ли Мэн подумал, что наставник сегодня необычайно словоохотлив. Должно быть, его тоже терзала бессонница.

— Я не сбегу, — тихо отозвался юноша.

— Так и будешь волочиться за мной хвостом? — спросил Чжао Лои. Его тон оставался холодным, но взор, устремленный на ученика, сделался неожиданно пристальным.

Не открывая глаз, Ли Мэн повторил:

— Буду.

В комнате воцарилось молчание. Лишь спустя долгое время с кровати донеслось глухое:

— Будет случай — беги. Не раздумывай.

Сонливость Ли Мэна как рукой сняло. Мысли прояснились, а чувства обострились до предела: теперь даже тихий, сиротливый звон медного колокольчика под крышей казался ему оглушительным.

— Я не побегу, — на этот раз Ли Мэн выговорил слова отчетливо и твердо. Повернув голову, он уставился на силуэт Чжао Лои в темноте. В его голосе зазвенела упрямая решимость: — Мне везде будет одинаково плохо. Лучше уж остаться с тем, кого я знаю, чем скитаться среди чужаков. По крайней мере, у вас всегда есть крыша над головой и сытная еда.

На этом он внезапно умолк.

— Врешь ведь. Не об этом ты думаешь, — тихо усмехнулся Чжао Лои.

Ли Мэн вдруг устыдился своей детской лжи. Поддавшись внезапному порыву, он выпалил:

— Мне нужно отомстить! А для этого я должен стать мастером боевых искусств. Вы сами назвались моим учителем, вы выбрали меня — так извольте нести за меня ответ до самого конца!

Снежный вихрь с силой ударил в ставни, заставив их жалобно заскрежетать. Чжао Лои уже приподнялся, намереваясь закрыть окно, но Ли Мэн опередил его, бесшумно скользнув к раме.

Услышав, как юноша зябко втянул сквозь зубы холодный воздух, наставник слегка похлопал ладонью по краю постели и негромко скомандовал:

— Подойди к шкафу у стены. Открой правый ящик, второй сверху. Считай со второго ряда, третий флакон справа. Неси сюда.

С трудом согревая онемевшие пальцы, Ли Мэн отыскал нужное снадобье и забрался на край кровати. Чжао Лои зажег свечу. Тонкий фитилек неохотно разогнал ночную тьму.

В неровном янтарном пламени Ли Мэн отчетливо разглядел, что на черной шелковой рубаше наставника, чуть ниже лопаток, зияет длинный, рваный разрез шириной в ладонь.

— Не дрожи так. Это старая рана, ей уже несколько дней. Почти не болит, — негромко произнес мастер.

«Неужели он пытается меня успокоить?»

Ли Мэн недоверчиво нахмурился.

Повинуясь безмолвному кивку Чжао Лои, он осторожно стянул черную ткань с его плеч. Перед взором юноши предстала широкая, рельефная спина воина, иссеченная старыми шрамами.

Но эта новая рана — длинная, багровая полоса, едва затянувшаяся тонкой корочкой, — уродливым росчерком перечеркивала безупречную мощь его зрелого тела.